
ТЕОРИЯ

И. А. ГОБОЗОВ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И «ЭТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА»

Великий Макиавелли, живший в эпоху, когда Италия пережила трудные времена, обратился к проблемам морали и политики. И как реалист, а не мечтатель, он решил, по собственному выражению, следовать не воображаемой, а действительной правде, т. е. рассматривать политические и иные феномены не с позиции должного, а с позиции сущего, «ибо расстояние между тем, как люди живут и как должны бы жить, столь велико, что тот, кто отвергает действительное ради должного, действует скорее во вред себе, нежели на благо, так как, желая исповедовать добро во всех случаях жизни, он неминуемо погибнет, сталкиваясь с множеством людей, чуждых добру. Из чего следует, что государь, если хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности»¹.

Оставаясь на почве исторической действительности, Макиавелли пишет, что, как правило, люди замечают в государях разные качества: щедрость и скупость, жестокость и сострадательность, честность и вероломность, снисходительность и надменность и др. Они хотят, чтобы государи имели только хорошие качества, но в жизни это невозможно, и поэтому Макиавелли считает, что для удержания власти государь не может не использовать и те качества, которые у людей вызывают презрение. «Поэтому государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости... ибо от беспорядка, который порождает грабежи и убийства, страдает все население, тогда

---

¹ Макиавелли Н. Избр. соч. М., 1982. С. 345.

как от кар, налагаемых государем, страдают лишь отдельные лица»². Таким образом, итальянский мыслитель советует, что в интересах большинства и государства следует применять насилие, хотя с точки зрения морали оно может вызвать осуждение.

Макиавелли отмечает, что хорошо, когда государь верен своему слову и честен в делах. Но опыт истории говорит о том, что успехов добивались те правители, которые не сдерживали своего слова и в нужный момент меняли позицию. Государь должен походить одновременно на льва и лисицу. Лев – это сила, а лиса – хитрость. Следовательно, государь должен быть и львом, и лисой. И ради сохранения государства и своей власти он всегда должен быть готов к тому, чтобы изменить свою политическую позицию, если этого требуют обстоятельства. Люди о нем судят не по его словам, а по делам, и если они идут хорошо, то никто не обратит внимания на слова.

Макиавелли подчеркивает, что государю необходимо избегать ненависти и презрения со стороны подданных, которые вызываются хищничеством, малодушием, легкомыслием и нерешительностью. Он дает советы государю, соблюдение которых должно принести ему славу и почести. Прежде всего государь должен проводить твердую политику, базирующуюся на насилии, как внутри страны, так и за рубежом. Но Макиавелли не против того, чтобы государь использовал, кроме силы, и другие средства, помогающие ему завоевать уважение подданных. В частности, государь должен оказывать почет и уважение тем, кто отличился в каком-либо ремесле или искусстве, не мешать заниматься торговлей, земледелием, награждать достойных людей и т. д.

Довольно интересны советы Макиавелли о том, как государю избежать льстецов. Обычно государь пытается внушить мысль подданным о том, что надо говорить только правду, но это может вызвать и презрение, так как не всякая правда нужна правителю. Это, во-первых. Во-вторых, какую бы правду они ни говорили, все равно найдутся люди, которые будут льстить, лицемерить и подхалимничать. Поэтому благоразумный государь поступает так: «Отличив нескольких мудрых людей, им одним предоставить право

---

² Макиавелли Н. Избр. соч. М., 1982. С. 345.

высказывать все, что они думают, но только о том, что ты сам спрашиваешь, и ни о чем больше; однако спрашивать надо обо всем и выслушивать ответы, решение же принимать самому и по своему усмотрению. На советах с каждым из советников надо вести себя так, чтобы все знали, что чем безбоязненнее они выскажутся, тем более угодят государю; но вне их никого не слушать, а прямо идти к намеченной цели и твердо держаться принятого решения. Кто действует иначе, тот либо поддается лести, либо, выслушивая разноречивые советы, часто меняет свое мнение, чем вызывает неуважение подданных»³.

Итак, Макиавелли считает, что политика и мораль несовместимы, и для государя важна не мораль, а такая политика, которая бы укрепила его власть, вызвала уважение у подданных, ненависть у врагов и в целом служила бы укреплению государства. Макиавелли-реалист стоит на почве исторической действительности, и критика многих его суждений, продолжающаяся на протяжении веков, носит абстрактный и оторванный от реальной жизни характер.

К воззрениям итальянского мыслителя абсолютное большинство как современных, так и прошлых мыслителей отнеслось исключительно критически. Они обвинили его во всех мыслимых и немыслимых грехах. В частности, они утверждали и утверждают, что Макиавелли оправдывает любые средства, в том числе аморальные, для удержания власти. Иначе говоря, он проповедует тезис: «Цель оправдывает средства». До сих пор термин «макиавеллизм» используется для характеристики политики, пронизанной ненавистью к человеку и к государствам.

Но не все мыслители отнеслись критически к итальянскому ученому. Гегель, Маркс и другие очень высоко ценили его творческое наследие и политические позиции. Вот что писал Гегель: «Творение Макиавелли останется в истории важным показанием, которое он засвидетельствовал перед временем и своей собственной верой, что судьба народа, стремительно приближающегося к политическому упадку, может быть предотвращена только гением. Интересным является в своеобразной судьбе «Государя» также тот факт, что при общем непонимании и ненависти к этому произведе-

---

³ Макиавелли Н. Избр. соч. М., 1982. С. 345.

нию один будущий монарх (имеется в виду прусский канцлер Фридрих I. – *И. Г.*)... взял в качестве темы для школьного сочинения Макиавелли, противопоставив ему моральные хрии, пустоту которых он сам впоследствии подтвердил как своим образом действий, так и своими произведениями...»⁴

В отличие от Макиавелли Кант хотел соединить мораль и политику. Мораль, пишет он, есть «совокупность... безусловно повелевающих законов, в соответствии с которыми мы должны вести себя»⁵. Мораль – это теоретическое правоведение, а политика – практическое правоведение. Моральный долг велит людям жить в мире и дружбе, и моральный политик должен совмещать политические принципы с моральными. Поэтому при решении государственных задач он обязан стремиться к тому, чтобы привести государственное устройство или международные отношения в соответствие с естественным правом как идеей разума. Кант осуждает морализирующих политиков или политических моралистов, которые не считаются с моральным долгом. Истинная политика, по его мнению, должна учитывать моральные принципы, ибо от этого она только выиграет.

Макс Вебер тоже не обошел вопросы соотношения политики и морали. Он исключительно важное значение придавал политическим качествам человека. Он считал, что для политика решающими являются три качества: страсть, чувство ответственности и глазомер. Под страстью Вебер подразумевает, как он выражается, существо дела. Политик должен всецело отдаваться тому делу, которое он избрал. Он не имеет права заниматься политикой спустя рукава. Но политикой страстно можно заниматься лишь в том случае, если политик чувствует свою ответственность, которую немецкий исследователь называет главной путеводной звездой деятельности политика. Политику требуется глазомер, т. е. «способность с внутренней собранностью и спокойствием поддаться воздействию реальностей, иными словами, требуется *дистанция* по отношению к вещам и людям»⁶. Настоящим политиком Вебер считает того, кто обладает этими качествами.

---

⁴ Гегель. Политические произведения. М., 1978. С. 154–155.

⁵ Кант И. Соч. в 6 т. Т. 6. М., 1966. С. 289–290.

⁶ Вебер М. Избр. произв. М, 1990. С. 690.

Вебер полемизирует с теми, кто хочет соединить политику и мораль. Политика, пишет он, связана с насилием, а с точки зрения этики насилие недопустимо. Поэтому нужно проводить политику ненасилия. С этим Вебер категорически не согласен. Политик, настаивает Вебер, должен насильственно противостоять злу, иначе за победу зла он будет нести ответственность. Поэтому вопрос не в том, что политик должен руководствоваться моральными принципами, а в том, обладает ли политик качествами, необходимыми для принятия важных политических решений. Этические позиции, твердо убежден Вебер, не должны мешать политике действовать в соответствии с политическими реалиями. Он высмеивает моралистов, которые часто поступают своим моральным кодексом. «Что касается освящения средств целью, то здесь этика убеждения вообще, кажется, терпит крушение. Конечно, логически у нее есть лишь возможность *отвергать всякое* поведение, использующее нравственно опасные средства. Правда, в реальном мире мы снова и снова сталкиваемся с примерами, когда исповедующий этику убеждения внезапно превращается в хилиастического пророка, как, например, те, кто, проповедуя в настоящий момент «любовь против насилия», в следующее мгновение призывает к насилию – к *последнему* насилию, которое привело бы к уничтожению *всякого*, точно так же, как наши военные при каждом наступлении говорили солдатам: это наступление – последнее, оно приведет к победе и, следовательно, к миру. Исповедующий этику убеждения не выносит этической иррациональности мира»⁷.

Важное место вопросы соотношения морали и политики и их взаимодействия занимают в русской философской и общественно-политической мысли. Писатели, публицисты, философы, историки, ученые, журналисты всегда рассматривали политику под углом зрения моральных норм и принципов. При этом им казалось (и кажется до сих пор), что они прекрасно разбираются в сложном механизме политической сферы общественной жизни. Если им нравится политика данного государства, то они ей поют дифирамбы и считают морально оправданной. А если не нравится, то обзывают ее грязной и нечестной игрой политических деятелей.

---

⁷ Вебер М. Избр. произв. М, 1990. С. 698. 220.

В. С. Соловьев в работе «Национальный вопрос в России» специально останавливается на проблеме соотношения нравственности и политики. По его мнению, в сфере политики господствует политический эгоизм, исходящий из того, что каждый народ имеет свой интерес и стремится к его удовлетворению. Русский философ полагает, что нравственным долгом народа является отказ от эгоизма, осознание того, что народ представляет собой часть всего мира и поэтому должен проявлять свою солидарность со всеми народами. Нельзя разделить политику и мораль, ибо они находятся в тесном взаимодействии. Как религиозный философ, В. С. Соловьев призывает к соблюдению нормы жизни, предполагающей мир и покой между народами и государствами. Он даже утверждает, что лучше отказаться от патриотизма, чем от совести.

Чтобы выяснить диалектику морали и политики, необходимо, прежде всего, четко обозначить их функции, провести, так сказать, между ними **демаркационную** линию.

Мораль в широком смысле слова есть совокупность правил, норм и принципов, которыми руководствуются люди в процессе совместной деятельности и общения. Как и политика, мораль является своего рода регулятором взаимоотношений людей и имеет некоторые общие черты с ней. Но эта общность проявляется совершенно по-разному и в зависимости от конкретных условий, ибо у морали и политики **разные** функции. Иначе говоря, они выполняют в обществе разные роли.

Если политика и политическая сфера жизни возникают вместе с появлением государства и социальных классов, то мораль – вместе с возникновением самого общества. Именно моральные принципы и нормы были основными регуляторами отношений первобытных людей. Многие племенные вожди имели гораздо больше авторитета, чем некоторые официальные короли и цари. И этот авторитет они заслужили именно благодаря своим высоким моральным качествам. Но с возникновением государства и классового общества моральные нормы уже не могли выступать в роли универсальных регуляторов общественной жизни. Появляются политические регуляторы, что, в конце концов, приводит к разграничению сферы политики и сферы морали.

Мораль оперирует понятиями «совесть», «хорошо», «плохо», «добро», «зло», «справедливость», «несправедливость», «гуманизм» и т. д. Они отражают социальные реалии, отношения людей друг к другу и к обществу. На протяжении тысячелетий выработались такие нормы и принципы морали, без соблюдения которых общество не может нормально функционировать, оно просто-напросто погибнет. Возьмем понятие «совесть». Оно очень объемно и включает, по существу, все моральные принципы. Совесть предполагает справедливость, добро, гуманность, любовь к людям, чувство сострадания и т. д. Совесть – это внутренний судья человека, к голосу которого человек должен прислушиваться постоянно. Человек без совести способен на любое преступление.

Моральные нормы связаны с ценностями. Следует различать ценности и оценки. Оценка, как правило, имеет субъективный характер. Один может оценить тот или иной поступок человека высоко, а другой, наоборот, низко. Но здесь есть некий универсальный критерий, который выработался в ходе длительной совместной деятельности людей и их совместного общения. Убийство ни в чем не повинного человека вызывает осуждение у всех людей, руководствующихся моральными нормами и принципами. Что касается ценностей, то они имеют объективный характер и не зависят от субъективной оценки индивидов. Скажем, картины Ван Гога представляют собой величайшую ценность, хотя при жизни автора их оценивали невысоко.

Моральные ценности меняются в ходе общественного развития. Если, например, в прошлые времена вызванный на дуэль человек обязан был явиться на место дуэли, то в настоящее время сам термин «дуэль» вызывает лишь улыбку. И тем не менее для всех генераций общества мораль имеет универсальный характер. Совесть в эпоху Аристотеля исполняла те же функции, что и в современную. «Так называемая совесть, – писал Аристотель, – которая позволяет называть людей совестящимися и имеющими совесть, – это правильный суд доброго человека»⁸.

В отличие от морали, политика исходит не из добра или зла, справедливости или несправедливости, гуманности или негуманно-

---

⁸ Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 184.

сти, а **из интересов**. Интересы могут быть личными, классовыми и государственными. Настоящий политик стремится к тому, чтобы личные интересы совпадали с государственными. Поэтому мы ведем речь о таких политиках, а не о тех, кто защищает лишь личные интересы. Такие люди, выражаясь словами Вебера, живут за счет политики, а не для политики. Собственно говоря, они и не являются политиками в подлинном смысле этого слова. Подчеркнем еще раз: политик руководствуется интересами, и если он уверен в том, что в данных обстоятельствах интересы его класса или государства **требуют** принятия решения, которое **противоречит моральным принципам**, то он как политик игнорирует эти принципы. Поэтому нельзя требовать от политика принимать политические решения в соответствии с моральным кодексом. Талейран как человек был аморален, но Наполеон его не отстранил от политической деятельности, потому что ценил его политические качества.

Политик заинтересован в сохранении целого и поэтому жертвует частью. Настоящий политик понимает, что если погибнет целое, то погибнет и часть. Если, скажем, погибнет народ, то погибнет и человек, являющийся частью этого народа. Поэтому политик жертвует человеком во имя сохранения народа. Моралист скажет, что это негуманно и цинично. Согласен, но в том-то и дело, что политика сама по себе «грязна», «цинична» и безжалостна. Если политик будет заниматься морализаторством, а не решением неотложных государственных задач, то тем самым он объективно погубит тех, чьи интересы обязан защищать.

Политик не писатель и не обязан постоянно думать о той или иной личности. Он должен, прежде всего, заботиться о целом (обществе), а затем о части (личности). Политик имеет дело с массами, а не с отдельным человеком. Поэтому несерьезными и наивными являются утверждения о том, что в центре политики должен находиться человек. Другое дело писатель. В **центре** его внимания находится (и не может не находиться) **человек** со своими заботами и проблемами. Подлинный гуманный писатель, как свидетельствует опыт мировой литературы, всегда выступает на стороне униженных и оскорбленных. Ф. М. Достоевский в своих произведениях показывает людей, которых некому защищать и которые ужасно страдают от нищеты, голода и холода. Писатель призван, руковод-

ствуясь **моральными** принципами и нормами, описывать в образной форме жизнь личности, отдельного человека, выражать ему свои симпатии или антипатии. Политик же, руководствуясь **политическими** интересами, **политическими** законами и принципами, защищает либо интересы государства, либо интересы господствующего класса. Поэтому он приносит в жертву интересы отдельной личности, если они противоречат общим интересам. Таким образом, политические и моральные принципы не совпадают, даже нередко они противоречат друг другу.

Но в эпоху глобализации, когда защита прав человека объявляется обязанностью всех государств, возрождается концепция «этизации» политики. Теперь речь уже идет не только о том, что политика должна быть морально оправдана, но она должна в первую очередь заботиться о правах человека, а не государства, социальных классов или слоев. Иначе говоря, политике придается сугубо антропологический смысл. Появляются работы под названием «политическая антропология»⁹.

На самом деле, политика как одна из форм регулирования общественных отношений не может быть редуцирована к человеку, который может стать человеком только в обществе и может жить, как человек, тоже только в обществе.

Но вернемся к «этизации» политики. Сейчас утверждается, что всякая политика, направленная на защиту национальных интересов и национальных культур, должна быть осуждена с точки зрения защиты общечеловеческих ценностей. К ним в первую очередь относят права человека, которые якобы наиболее эффективно могут быть защищены в условиях *западной демократии*. Поэтому эту демократию, по твердому убеждению западных политиков и их теоретических апологетов, надо распространить на все страны мира, используя для этого все средства, в том числе насильственные. Насилию придается этическая окраска, и, таким образом, политика приобретает этический характер.

Слово «демократия», как известно, греческого происхождения и буквально означает «власть народа». В античном мире демократическими считались те государства, в правлении которых народ

---

⁹ См., например, книгу французского исследователя Ж. Баландьё (G. Balandier *Anthropologie politique*. Paris, 1991).

принимал непосредственное участие. В Афинах эпохи Перикла была развитая рабовладельческая демократия, суть которой выразил Перикл так: «Для нашего государственного устройства мы не взяли за образец никаких чужеземных установлений. Напротив, мы скорее сами являем пример другим, нежели в чем-нибудь подражаем кому-либо. И так как у нас городом управляет не горсть людей, а большинство народа, то наш государственный строй называется народоправством. В частных делах все пользуются одинаковыми правами по законам. Что же до дел государственных, то на почетные государственные должности выдвигают каждого по достоинству, поскольку он чем-нибудь отличился не в силу принадлежности к определенному сословию, но из-за личной доблести. Бедность и темное происхождение или низкое общественное положение не мешают человеку занять почетную должность, если он способен оказать услуги государству»¹⁰.

Исключительное значение в греческой демократии придавалось слову «пайдея», которое обозначает и воспитание, и обучение, и культуру, и просвещение и т. д. Это довольно емкое слово, которое в ту далекую эпоху широко использовалось в духовной жизни греков. И «греческая демократия определила сущность греческой пайдеи, главную особенность греческой культуры – идею о главенстве человеческого разума, принцип разумного миропонимания и представления о Прометеевом (творческом) назначении человека. **Открытие человека – идея о гражданине полиса как самостоятельной ценности, признание за ним права на инициативу, вера в то, что свободный человек в состоянии сделать правильный выбор, доверие к разуму человека и его свободе – вот что является важнейшим достижением греческой культуры, достижением, определившим ее всемирно-историческое значение»¹¹. Доверие к человеческому разуму в сфере демократии приводит к политическому рационализму. Все, кто участвовал в политических дебатах, должны были обосновать свои аргументы, придать им, так сказать, доказательный характер. Иначе говоря, надо было убеждать своих слушателей с помощью аргументов и**

---

¹⁰ Фукидид. История. М., 1981. С. 106.

¹¹ Кессиди Ф. От мифа к логосу. Становление греческой философии. СПб., 2003. С. 30–31.

фактов. Можно сказать, что характерная черта античной демократии – **убеждение**. А последнее, естественно, связано с рационализмом. Поэтому античная демократия – это рационалистическая демократия. И философия античности – это рационалистическая философия. Видимо, можно было бы сказать, что без политического рационализма не было бы философского рационализма.

Что касается современной демократии, то она имеет представительный характер. Она использует не метод убеждения, а метод **внушения**. Обращаются не к разуму человека, а к его низменным инстинктам, к его чувствам. С этой целью политтехнологи разрабатывают различные сценарии избирательной кампании: привлечение артистов, особенно эстрадных певцов, создание «народного» имиджа кандидата во властные структуры, либеральную или патриотическую демагогию в зависимости аудитории. Избиратели, превращенные в иррациональную толпу, обращают внимание не на программы и не на реальные дела кандидатов, а на их телегеничность, улыбку, походку и т. д. и т. п. Те кандидаты, которые преуспевают в этом шоу, попадают в органы власти. К слову сказать, ни один великий политик прошлого не попал бы во власть, потому что он не смог бы конкурировать с современными краснобаями.

Особая роль в применении методов внушения принадлежит средствам массовой информации (СМИ), прежде всего телевидению. Давно известно, что СМИ представляют четвертую власть, что от них очень многое зависит в политике. Это понимал еще Наполеон, когда из 73 газет, издававшихся в Париже, было закрыто вначале 60, потом еще 9. Но особенно важна роль СМИ в наше время, когда благодаря научно-технической революции они получили огромные возможности формировать общественное мнение и оказывать решающее влияние на политическую жизнь. Сегодня можно смело сказать, что тот, кто контролирует СМИ, контролирует все общество, контролирует воззрения людей, их поведение и поступки. Вот почему все политики так упорно цепляются за СМИ и особенно за телевидение.

Средства массовой информации породили такую страшную болезнь, как *социальный идиотизм*. Обычно под идиотизмом понимают врожденное слабоумие. Его изучением занимается психология. Но под социальным идиотизмом следует подразумевать такое

состояние сознания общества, когда оно не может адекватно отражать окружающую социальную действительность.

Социальный идиотизм близок к иррационализму, но не тождествен ему. Дело в том, что иррационализм связан с бессознательными действиями человека, с чувственной формой познания. Что касается социального идиотизма, то его следует рассматривать в единстве чувственного и рационального познания. Индивид логически правильно рассуждает, но его рассуждения противоречат тому, что есть в реальной действительности. Он видит черное, а говорит – белое, и это не потому, что у него есть какие-то психические отклонения. Социальным идиотизмом болеют не только малограмотные люди, но и те, чей интеллектуальный уровень высок.

Очень велика роль телевидения в порождении социального идиотизма. Телевизор, представляющий собой «идиотский ящик», из любого нормального человека может сделать идиота. Вообразим себе такую картину: всегда с вами находится человек (ведущий телепередач), которого вы, быть может, в жизни никогда не видели. Но он вам близок, он вам ближе вашей жены, мужа, сестры или брата, потому что они вам могут мешать, а он нет. Вы можете сидеть в кресле, пить кофе или лежать на диване и слушать его. Он вам не дает думать, да вам и нет в этом необходимости. Он за вас все делает, а вы только должны слушать и смотреть на него. Вы не догадываетесь, что телепередачи представляют собой шоу, подготовленные политтехнологами и имиджмейкерами. А телеведущий выполняет роль передатчика этих шоу. Но он очень искусный передатчик. Он за вас все делает, а вы только должны слушать и смотреть на него. Вы знаете, что цены на товары постоянно растут, что ваш жизненный уровень падает, но телеведущий говорит вам, что это временные трудности и что новый руководитель страны, которого вы должны избрать, все сделает для того, чтобы вы стали лучше жить. А вы этому верите и не можете не верить, потому что вам очень умело внушают эти сказки. Таким образом, телевидение из вас делает идиота, хотя вы об этом не догадываетесь.

Выигрывает выборы тот, кто распоряжается СМИ, а ими распоряжаются те, кто их финансирует, платит за эфирное время. А деньги имеют буржуазные партии, так как они защищают интересы богатых людей. Они скупают не только СМИ, но и головы

избирателей. Последним дают деньги, организуют для них бесплатные обеды и т. д. Короче, во время избирательной кампании используются все способы, в том числе самые грязные.

Демократия, если даже ее считать наиболее оптимальной формой государственного правления, не готовое состояние, а длительный и мучительный процесс. И, возможно, многие государства останутся за рамками демократических институтов, хотя в потенции они могут стать демократическими. Но одно дело в потенции, совсем другое – в действительности. Нельзя не вспомнить в этой связи Гегеля: «Возможно, – писал он, – что сегодня вечером упадет луна на землю, ибо луна есть тело, отделенное от земли, и может поэтому так же упасть вниз, как камень, брошенный в воздух; возможно, что турецкий султан сделается папой, ибо он человек и может как таковой обратиться в христианскую веру, сделаться католическим священником и т. д. В этих разговорах о возможности преимущественно используется закон достаточного основания, применяемый вышеуказанным нами способом, – утверждают: возможно то, в пользу чего можно найти основание. Чем необразованнее человек, тем менее известны ему определенные отношения предметов, которые он намерен рассматривать, тем больше он склонен распространяться о всякого рода пустых возможностях, как это, например, бывает в политической области с так называемыми политиками пивных»¹².

Демократия базируется на всеобщем избирательном праве, согласно которому каждый гражданин имеет право принимать участие в выборах и голосовать за того кандидата, программа которого ему больше всех импонирует и реализация которой в случае избрания этого кандидата может улучшить его жизненные условия. Но это в свою очередь связано, во-первых, с уровнем политического сознания общества в целом и каждого его члена в отдельности, во-вторых, с получаемой информацией. А эту информацию подают современные средства массовой информации.

После окончания выборов избиратели полностью исключаются из политической жизни. Правительство и депутаты могут теперь чувствовать себя спокойно. Они время от времени устраивают

---

¹² Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М. 1979. С. 316.

пресс-конференции, информируют в нужном им духе журналистов, но никаких отчетов о своей работе не делают. Избиратель же остается наедине со своими проблемами. Ему некуда обратиться, он отчужден от власти и не может влиять на ее решения. Избиратель сделал свое дело и теперь может спокойно умереть или ждать следующих выборов. Но и они ему ничего не принесут, потому что вновь избранные депутаты, как и их предшественники, о нем забудут. И так происходит после всех выборов. Таково действительное лицо современной западной демократии. И как ни вспомнить меткую характеристику демократии, данную Бердяевым Н. А.: «... Демократия знает только формальный принцип волеизъявления, которым дорожит превыше всего и который ничему не хочет подчинить. Демократия безразлична к направлению и содержанию народной воли и не имеет в себе никаких критериев для определения истинности или ложности направления, в котором изъясняется народная воля... Демократия не знает истины, и потому она представляет раскрытие истины решению большинства голосов»¹³.

Видный французский политик М. Рокар пишет, что «всеобщее избирательное право начинает терять свою эффективность, поскольку важные решения, которые необходимо бывает принять, все меньше могут быть отложены до тех пор, пока люди, выбранные на его основе, сумеют высказать свое мнение. По этой причине такие механизмы, как парламент, начинают терять свое влияние»¹⁴. Даже в странах с установившимися демократическими традициями люди большее значение придают субъектам исполнительной, чем законодательной власти, потому что в конечном итоге от них зависит решение каждодневных вопросов. А что касается государств, где такие традиции отсутствуют, то там народ с недоверием относится к представителям законодательной власти и мало беспокоится, когда исполнительная власть игнорирует ее законы или вовсе запрещает. Он считает, что депутаты много говорят, но мало делают. Вообще парламентская говорильня народу дорого обходится, если к тому же учесть, что современная говорильня обслуживается сотнями тысяч работников радио и телевидения, газет и журналов.

---

¹³ Бердяев Н. А. Новое средневековье. М., 1991. С. 63.

¹⁴ Рокар М. Трудиться с душой. М., 1990. С. 133.

Демократия в западном смысле не обеспечивает главных прав человека: право на труд, на образование и на отдых. Псевдосвобода демократии оборачивается для среднего человека отсутствием реальной свободы, ибо он не может удовлетворить свои элементарные потребности, проявить свои физические и духовные потенции. Она разделяет людей на богатых и бедных, на эксплуататоров и эксплуатируемых. И, как говорится, во дворцах мыслят иначе, чем в хижинах. Эта демократия не консолидирует людей, а дезинтегрирует их.

Проповедники «демократии» много пишут о правах человека. Но они их фактически сводят к «правам» животного. Животное «имеет право» не есть, не «работать», не иметь жилья, не «отдыхать», умирать и т. д. Но оно не выходит за пределы природы и, так сказать, находится внутри ее. Поэтому все его «права» даны самой природой. Иными словами, говорить о «правах» животного абсурдно. Права возникают в обществе. Они – продукт взаимодействия людей. В процессе этого взаимодействия индивиды в сложной социальной иерархии занимают разное социальное положение, позволяющее одним ограничивать права других, не давая им возможности проявлять себя, удовлетворять свои реальные материальные и духовные интересы. Права человека имеют конкретный, а не абстрактный характер. Они реализуются в зависимости от социального и экономического положения индивида. Богатый человек имеет право, собственно говоря, на все: на жилье, на отдых, на образование, на путешествия... Поэтому ему, в сущности, от государства ничего не требуется. Ему нужно только, чтобы его богатство надежно защищалось. Бедный человек тоже имеет право на все, но фактически он бесправен, потому что у него нет денег ни на жилье, ни на путешествия, ни на отдых, ни порою даже на кусок хлеба. То же самое касается социальных классов. Один живет за счет эксплуатации другого. Он на это имеет право. Но и эксплуатируемый класс имеет право на забастовки, на восстания и т. д. Могут сказать, что революционные взрывы, восстания и забастовки расшатывают общество. Это верно, но верно и то, что общество не имеет права на существование, когда большинство людей не в состоянии удовлетворить свои элементарные потребности, а меньшинство живет в роскоши.

Реализация прав человека во многом также зависит от традиций, обычаев и конкретно-исторических условий. На Западе очень модно в настоящее время навязывать свои ценности остальному миру, выдавая их за общечеловеческие ценности. В этой связи особое внимание обращается на права человека. Но западные представления о правах человека и представления о них в других регионах сильно отличаются друг от друга. На Западе доминирует индивидуализм, а на Востоке – коллективизм. Не случайно теория естественного права возникла на Западе в период бурного формирования буржуазных общественных отношений. Новый строй требовал освобождения человека от религиозных и экономических оков Средневековья. Ему нужен был человек предприимчивый, свободный от всяких условностей, готовый идти на риск. И такой человек постепенно сформировался. Он приспособился к новым общественно-политическим порядкам, уважает принятые государством законы, постановления и другие законодательные акты, старается действовать в их рамках, хотя нередко их нарушает. Он предпочитает жить более или менее независимо от родителей и вообще от родственников.

Восточный человек, даже в развитых капиталистических странах, имеет другие представления о своих правах. Он уважает традиции и обычаи предков, прислушивается к голосу старших, особенно родителей. На Востоке радиус родственных связей намного шире, чем на Западе. В восточных странах сильны традиции патернализма. Граждане Востока, в отличие от жителей Запада, надеются не столько на себя, сколько на центральные органы власти. Поэтому восточные государства несколько иначе представляют себе права человека.

Нельзя не обратить внимания и на то, что современные интерпретаторы свободы и прав человека забыли лозунг Великой французской революции XVIII века: «Свобода, равенство, братство». Они берут только свободу, предполагающую предоставление соответствующих прав человеку. Но свобода без социального равенства – пустой звук. О свободе можно говорить лишь в том случае, если индивиды имеют одинаковые стартовые возможности. Кроме того, свобода предполагает не только открыто высказывать свою позицию по тем или иным вопросам, но и влиять на общественные и государственные дела. Однако исторический и современный

опыт свидетельствуют о том, что свободнее чувствуют себя богатые люди, имеющие доступ ко всем ценностям и возможности воздействовать на социально-политические процессы.

Кроме того, нельзя отрывать права человека от прав народов на самоопределение. В полиэтническом государстве – в мире почти все государства являются полиэтническими – права человека в первую очередь реализуются через права народов и наций. В реальной жизни большими правами пользуется представитель того народа, который доминирует в данном обществе.

Демократия – это огромная **ответственность** каждого гражданина перед своей семьей, государством, обществом, отечеством. Демократия не есть анархия и произвол. Демократия – это соблюдение всех правовых принципов и норм. Демократия – это абсолютное равенство всех перед законом. Любой гражданин, начиная от президента и кончая рядовым, должен нести ответственность за нарушение существующих в государстве законов. Он должен сознавать, что честное отношение к выполнению своих служебных и иных обязанностей является, так сказать, его священным долгом. Демократия может перерасти в анархию и вседозволенность, если не выполняются принятые государством законы. Демократия – это не только выборы, которые проводятся время от времени, но и повседневное участие граждан в управлении делами государства. Современная демократия, как уже отмечалось, дает человеку право выбора того или иного политика, но лишает его права повседневно и реально влиять на государственные дела.

В условиях демократии очень даже возможен абсолютизм. В этой связи вспомним опять Н. А. Бердяева: «Государственный абсолютизм в демократиях так же возможен, как в самых крайних монархиях. Народовластие так же может лишить личность ее неотъемлемых прав, как и единовластие. Такова буржуазная демократия с ее формальным абсолютизмом принципа народовластия»¹⁵.

Вот этой демократии в настоящее время придают этическую окраску, то есть из сферы политики ее переносят в сферу этики и хотят навязать всем народам мира независимо от их социально-экономического и политического уровня развития. Ведущую роль в ее

---

¹⁵ Бердяев Н. А. Судьба России. М. 1990. С. 210.

насаждении играют Соединенные Штаты Америки. Они считают, что их представления о глобализации всех сфер общественной жизни, в том числе политической, должны быть распространены на весь остальной мир, поскольку они показали свою эффективность не только в США, но и во многих других регионах земного шара. И те государства, которые отказываются подчиняться США, объявляются «осью зла» и сурово наказываются, о чем свидетельствует война в Ираке.

Известный современный американский исследователь З. Бжезинский пишет, что США несут в себе заряд демократии и высокой культуры. Поэтому они не могут не служить примером для остальных государств и народов. «Культурное превосходство, – пишет З. Бжезинский, – является недооцененным аспектом американской глобальной мощи. Что бы ни думали некоторые о своих эстетических ценностях, американская массовая культура излучает магнитное притяжение, особенно для молодежи во всем мире... Американские телевизионные программы и фильмы занимают почти три четверти мирового рынка. Американская популярная музыка также занимает господствующее положение, и увлечениям американцев, привычкам в еде и даже в одежде все больше подражают во всем мире»¹⁶.

Трудно не согласиться с Бжезинским в том, что в мире доминируют американские шлягеры и американские фильмы, но количественное преимущество еще не означает качественного превосходства. Подавляющая часть американских эстрадных песен и американских фильмов полностью уступает песням и фильмам других регионов мира. Какую художественную ценность имеют, например, американские боевики? Насилие, убийства, аморальность, стремление любой ценой занять деньги – вот что несут эти боевики зрителю. Вообще во многих американских фильмах есть только три составляющие: деньги, оружие и секс. Не случайно против американского засилья выступают во всем мире, в том числе и в Старом Свете, т. е. в Европе – колыбели великих духовных ценностей.

Не менее привлекательны, с точки зрения З. Бжезинского, американские идеалы и представления о демократии. Американские формы правления, американское уважение к конституции как к основному закону страны служат стандартом для всех государств. Для сохране-

---

¹⁶ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М. 1998. С. 38.

ния своего лидирующего положения в XXI веке, по глубокому убеждению З. Бжезинского, у США есть все основания. «Поскольку подражание американскому пути развития постепенно пронизывает весь мир, это создает более благоприятные условия для установления косвенной и на вид консенсуальной американской гегемонии. Как и в случае с внутренней американской системой, эта гегемония влечет за собой комплексную структуру взаимозависимых институтов и процедур, предназначенных для выработки консенсуса и незаметной асимметрии в сфере власти и влияния. Американское глобальное превосходство, таким образом, подкрепляется сложной системой союзов и коалиций, которая буквально опутывает весь мир»¹⁷.

Но З. Бжезинский сознательно обходит негативные черты современной Америки. Давно США перестали быть образцом демократии и равенства. В Америке наблюдается рост социального контраста, а не социального благополучия. Одни все больше и больше обогащаются, а другие нищенствуют. Они не могут удовлетворить не только общественно-необходимые потребности, но и элементарно воспроизвести себя как биосоциальные существа. В США широко распространены такие негативные явления, как «отказ от равенства, усиление безответственной плутократии, жизнь в кредит потребителей и самой страны, все более частое использование смертной казни, возврат к расовой одержимости»¹⁸. США везде видят зло, потому что в самой стране много зла.

Абсолютизация современной демократии и ее насильственное насаждение может усилить рост террористических актов, вызвать (впрочем, уже вызывает в арабском мире) недовольство многих восточных народов, что в конечном итоге может привести к непредсказуемым последствиям для всего человечества. Поэтому западным державам, особенно США, следует осознать, что каждый народ имеет свои традиции, свою культуру, свои представления о формах государственного правления и поэтому не следует ему насильно навязывать свои культурные и политические ценности. Надо уважать чужие традиции и культуру. Глобализация мира во все не тождественна ее унификации. Мир един, но вместе с тем

---

¹⁷ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М. 1998. С. 39–40.

¹⁸ Тодд Э. После империи. Pax Americana – начало конца. М., 2004. С. 141.

многообразен. Без многообразия он может исчезнуть. И никакая «этизация» политики его не спасет.